

Взаимосвязь особенностей моральной сферы и экстремистских установок в студенческой среде

Олег А. Сычев^{a, @, ID1}; Елена В. Жихарева^{a, ID2}

^a Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, Россия, г. Бийск

@ osn1@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-4449-9969>

Поступила в редакцию 19.12.2019. Принята к печати 11.02.2020.

Аннотация: Представлены результаты исследования связи экстремистских установок с особенностями моральной сферы личности на основе теории моральных оснований Дж. Хайдта. Результаты обзора литературы свидетельствуют, что внимание исследователей преимущественно сосредоточено на правозэкстремистских установках, таких как ксенофобия, национализм, религиозный фанатизм и авторитаризм. Имеющиеся данные о связи таких установок с особенностями моральной сферы не учитывают современных подходов в области психологии морали. Выдвинуто предположение, что сплачивающие моральные основания могут быть связаны с правозэкстремистскими установками. Для его проверки было организовано исследование, в котором приняли участие 397 студентов (83 % – женщины). Испытуемые ответили на вопросы опросника моральных оснований Дж. Грэхема и опросника Экстремистские установки в молодежной среде К. В. Злоказова. По результатам корреляционного анализа индивидуализирующие моральные основания (Забота и Справедливость) демонстрируют обратную связь с правозэкстремистскими установками, в то время как сплачивающие (Лояльность и Уважение) – прямую. При этом моральное основание Чистота характеризуется противоречивыми связями. С помощью линейного структурного моделирования показано, что наибольшее значение в контексте экстремистских установок имеют моральное основание Уважение, сочетающееся с относительно высоким уровнем религиозного фанатизма, ксенофобии и авторитаризма, и моральное основание Забота, сочетающееся с низким уровнем фанатизма, ксенофобии и национализма. Полученные результаты приводят к выводам, что нормы заботы и непричинения вреда, осуждающие насилие, противостоят фанатическим, ксенофобским и националистическим установкам. В то же время моральные нормы уважения авторитетов и традиций при некоторых условиях могут иметь негативные проявления в форме оправдания и поддержки правозэкстремистских установок.

Ключевые слова: мораль, теория моральных оснований, правый экстремизм, религиозный фанатизм, ксенофобия, национализм, авторитаризм

Для цитирования: Сычев О. А., Жихарева Е. В. Взаимосвязь особенностей моральной сферы и экстремистских установок в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 185–193. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193>

Введение

Экстремизм и терроризм представляют собой серьезную угрозу современному обществу, поэтому психологические факторы экстремизма вызывают значительный интерес ученых. Среди подобных факторов наибольшее внимание привлекают экстремистские установки и убеждения, содержание которых непосредственно отражает радикальные взгляды, толкающие к насильственным противоправным действиям. Серьезным препятствием для исследований является известная по многочисленным работам проблема слабой зависимости между установками и соответствующим им поведением. Данный факт известен как парадокс Лапбера, согласно которому наличие радикальных взглядов и экстремистских установок далеко не всегда приводит к реальному экстремистскому поведению [1; 2]. Наличие таких установок

означает всего лишь готовность человека к подобному поведению, которое, как правило, не проявляется в силу действия внешних или внутренних сдерживающих факторов. Деятельность по выявлению экстремистских установок может помочь выявить группу риска и организовать прицельную профилактическую работу, что свидетельствует о практической значимости подобных исследований.

Одной из основных задач психологического исследования экстремистских установок является их описание и операционализация. Выделение и описание установок может быть выполнено дедуктивным путем на основе накопленного теоретического знания и выводов, полученных в прошлых исследованиях, либо индуктивным путем на основе обобщения конкретного фактического материала. Примером реализации индуктивного подхода

является исследование экстремистского склада ума (*militant extremist mind-set*), проведенное Л. Станковым с соавторами [3]. Ученые с помощью качественных и количественных методов выполнили анализ содержания большого объема текстов, отражающих разные проявления воинствующего экстремизма. Итогом их работы стало описание трех основных факторов, характеризующих особенности экстремистского сознания. Первый фактор отражает убеждение в оправданности насилия как средства решения социальных проблем; второй – убеждение в неправильном, несправедливом устройстве и порочности общества; третий, наиболее характерный для религиозного экстремизма, – убеждение в наличии поддерживающей их действия божественной силы и посмертном воздаянии за праведную жизнь и мученичество. Для выявления этих экстремистских убеждений авторами был предложен опросник, который еще не использовался в нашей стране.

На основе теоретического анализа и обобщения прошлых исследований Д. Г. Давыдовым были описаны личностные диспозиции насильственного экстремизма, включающие культ силы и агрессивность, интолерантность, аутистическую враждебность, конвенциональное принуждение, социальный пессимизм и деструктивность, мистичность, борьбу и преодоление, нормативный нигилизм и антисубъективизм (антиинтрацепция) [4]. Для диагностики этих диспозиций Д. Г. Давыдовым и К. Д. Хломовым был разработан соответствующий опросник [5].

В исследовании К. В. Злоказова на основе результатов теоретического анализа проблемы и контент-анализа предшествующих методик, выявляющих экстремистские установки и убеждения, был составлен список из 113 утверждений, характерных для представителей групп экстремистских течений националистической, политической и религиозной направленности [6]. После апробации опросника и обобщения посредством факторного анализа были выделены четыре основные экстремистские установки: фанатизм, национализм, ксенофобия и авторитаризм, – для измерения которых был составлен краткий опросник. Достоинства такого подхода, связанные с лаконичным и близким к практике содержанием списка экстремистских установок, экономичностью и простотой методики, стали причиной его популярности в нашей стране. В то же время рассмотренные в рамках этого подхода установки относятся к числу правоэкстремистских – левоэкстремистские оказались вовсе не представлены.

В исследованиях предшественников было отмечено, что экстремистские установки связаны с социально-демографическими характеристиками: полом, возрастом, типом занятости [7]. Фанатизм связан с возрастом респондентов (чем старше, тем более выражен), ксенофобия – с полом (сильнее проявляется у юношей, чем у девушек), а национализм – со всеми демографическими характеристиками (видом занятости, полом и возрастом). В исследовании ксенофобских установок у подростков, проведенном О. Д. Гуриной, было

выявлено, что такие установки свойственны как подросткам с противоправным поведением, так и с нормативным, в большей мере их разделяют юноши [8].

Описанные в литературе психологические характеристики лиц с экстремистскими взглядами включают данные об особенностях моральной сферы личности. Для подростков с ксенофобскими установками характерным является низкий уровень развития морального сознания, который проявляется в моральных суждениях эгоцентрического и группоцентрического уровней [8]. В исследовании ценностных ориентаций молодых людей с правоэкстремистскими взглядами, состоящих в националистических группах, было выявлено снижение значимости ценностей морального характера, таких как доброта и универсализм, при одновременном повышении ценности власти [9]. Несмотря на интерес ученых к моральным факторам экстремистских установок, в отечественной психологической литературе не удалось обнаружить исследования, основанные на современных теоретических подходах в области психологии морали.

Мы опирались на одну из наиболее известных современных психологических теорий морали – теорию моральных оснований, ранее неоднократно рассмотренную в целом ряде русскоязычных публикаций [10–14]. В основу теории положен тезис, по которому существует ограниченный набор закрепленных в результате эволюции механизмов, реализующих интуитивную моральную оценку событий и поступков в эмоциональной форме [15]. Сознательные моральные суждения являются вторичными по отношению к таким эмоциональным механизмам и формируются на их основе под влиянием культурной среды. Такие базовые механизмы эмоциональной оценки и соответствующие им критерии (основания) получили название моральных оснований. Авторами этого подхода было выделено и описано пять моральных оснований [16]:

- 1) Забота (одобрение проявлений доброты, готовности помочь и запрет на причинение вреда);
- 2) Справедливость (одобрение честности, объективности, непредвзятости, соблюдения прав и осуждение несправедливости, неравенства, обмана);
- 3) Лояльность группе (одобрение преданности своей группе и осуждение предательства);
- 4) Уважение (одобрение почтительного отношения к власти и авторитетным лицам, подчинения авторитетам, уважение обычаев, традиций и осуждение непочтительности, отхода от традиций);
- 5) Чистота (одобрение воздержанности, нравственной чистоты, уважения святынь и осуждение отвратительных, греховных поступков и развращенности).

Моральные основания Забота и Справедливость в основном касаются оценки поступков во взаимоотношениях между отдельными людьми. По этой причине они объединяются в категорию индивидуализирующих моральных оснований, или этики автономии. Основания Лояльность, Уважение и Чистота в большей мере сосредоточены вокруг

отношений между человеком и обществом, они способствуют сплочению вокруг лидера, ценностей группы и ее сакральных объектов. Все это дает возможность называть их спланированными моральными основаниями, или этикой сообщества. Роль моральных оснований в общественной жизни была проиллюстрирована данными о том, что соотношение этики автономии и этики сообщества тесно связано с консервативными и либеральными взглядами [17]. Консервативные взгляды, как правило, сочетаются с высокой оценкой как индивидуализирующих, так и спланированных моральных оснований. У лиц с либеральными взглядами оценка моральных оснований этики автономии обычно выше этики сообщества. С учетом этих фактов для характеристики соотношения индивидуализирующих и моральных оснований в исследованиях был предложен коэффициент, представляющий собой разность между ними [18] и получивший впоследствии условное название *прогрессивизм* [19]. Этот термин не несет оценочной нагрузки, он всего лишь отражает тот факт, что этика сообщества более характерна для обществ с традиционной культурой, а этика автономии – для обществ современного типа.

Из прошлых исследований, проведенных на базе теории моральных оснований, известно: такие особенности показывают связь с правым авторитаризмом и ориентацией на социальное доминирование [20; 21], внешнеполитическими установками [22], политическими убеждениями, проявляющимися в предпочтении либеральной или консервативной идеологии, с мнениями по спорным социально-политическим проблемам [12; 16; 23]. Моральные основания как непосредственно, так и отчасти опосредованно через моральную эксклюзию предсказывают различные установки по отношению к мигрантам-мусульманам, прибывающим в страны восточной Европы [24]. На вероятную связь моральных оснований с экстремистскими убеждениями указывают и результаты недавнего исследования на материале, полученном из социальной сети *Twitter* [25]. В этом исследовании в ходе анализа текстовых материалов с помощью словаря моральных оснований не только подтвердились выводы о большей роли спланированных моральных оснований у лиц с консервативными и правыми убеждениями, но и обнаружилось, что правые экстремисты используют лексику морального основания Уважение существенно чаще, чем лица левых убеждений и право-консервативные пользователи *Twitter*, не демонстрирующие экстремистских взглядов. Этот результат указывает на то, что важность норм уважения и подчинения авторитету может выступать одной из ярких особенностей моральной сферы экстремистов.

Описанный в литературе группоцентрический характер экстремистских взглядов и террористической деятельности [26, с. 144] хорошо согласуется с нормами и ценностями спланированных моральных оснований, поэтому вывод о частом использовании лексики с семантикой уважения в экстремистских твитах выглядит закономерным. Спланированные моральные основания Лояльность и Чистота также могут показать

связь с правозащитными взглядами, отражающими неприятие чужих групп (ксенофобия) или преувеличенную ценность своей группы (национализм) и ее религии (фанатизм). Разумно предполагать, что индивидуализирующие моральные основания, включающие нормы заботы, непричинения вреда, справедливости, непредвзятости, должны противостоять экстремистским установкам. Таким образом, предположение о связи моральных оснований с экстремистскими установками является обоснованным. В процессе эмпирической проверки этого предположения необходимо уточнить, какие именно моральные основания наиболее тесно связаны с различными экстремистскими установками.

Методы и выборка исследования

Выборку составили 397 студентов 1–3 курсов Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина, обучающихся по различным педагогическим специальностям. Средний возраст составил 19,62; стандартное отклонение – 1,91. Так как вуз имеет педагогический профиль, большую часть выборки составили девушки (321 испытуемая, 83%), 12 испытуемых (3%) пол не указали. Наряду с русскими, составляющими большую часть выборки (365 человек, 84%), среди испытуемых были также тувинцы (15 человек, 4%) и алтайцы (7 человек, 2%), представители других национальностей встречались в единичных случаях.

Экстремистские установки изучались с помощью методики К. В. Злоказова [6; 27]. Эта методика включает четыре шкалы: фанатизм, национализм, ксенофобия и авторитаризм, – образованные четырьмя пунктами, соответствие с которыми оценивается по 4-балльной шкале. Согласно К. В. Злоказову [6], высокие значения по шкале *фанатизм* иллюстрируют увлеченность религией и интерес к религиозным идеям, важность религиозных норм в жизни испытуемого, использование им религиозных догм и канонов в попытках объяснения и понимания социальной реальности. Высокие значения по шкале *национализм* отражают дискриминирующую установку по отношению к представителям других национальностей, нетерпимость к иным культурам и социальным нормам, одобрение репрессивных методов управления. Высокие значения по шкале *ксенофобия* характеризуют стремление отвечающего избегать контакта с представителями других национальностей, религий и убеждений. Высокие значения по шкале *авторитаризм* указывают на присущие испытуемому представления о необходимости твердости в отношениях с окружающими, на негибкость взглядов и решений, категоричность в суждениях. Анализ надежности шкал на нашей выборке показал, что приемлемую надежность по внутренней согласованности демонстрируют две из четырех шкал (альфа Кронбаха): фанатизм (0,76) и ксенофобия (0,69). В то же время коэффициент надежности оказался низким для шкал *национализм* (0,54) и *авторитаризм* (0,41), поэтому необходима осторожная интерпретация результатов по этим шкалам.

Для диагностики особенностей моральной сферы использовался русскоязычный опросник моральных оснований (MFQ-Ru) [14], разработанный на основе англоязычного опросника MFQ Дж. Грэхема и др. [16]. Опросник включает в себя пять первичных шкал, две из которых (Забота и Справедливость) предназначены для оценки индивидуализирующих моральных оснований и три (Лояльность, Уважение и Чистота) – для измерения сплывающих моральных оснований. На основе первичных шкал могут быть вычислены вторичные усредненные показатели по двум типам моральных оснований и индекс прогрессивизма, характеризующий соотношение индивидуализирующих и сплывающих оснований и равный разности их оценок. Коэффициенты альфа Кронбаха по шкалам опросника находятся в пределах 0,68–0,79, что свидетельствует об их удовлетворительной надежности.

Количественный анализ данных проводился в программе *Jatovi 1.0.7* с использованием коэффициентов корреляции, непараметрических критериев Манна-Уитни и Крускала-Уоллиса. Для анализа системы связей между моральными основаниями и экстремистскими установками было выполнено линейное структурное моделирование в программе *Mplus 7*.

Результаты

В ходе обработки полученных результатов в первую очередь были проверены гипотезы о связи экстремистских и моральных оснований установок с полом. Связь этих характеристик с возрастом не рассматривалась ввиду узкого возрастного диапазона. Результаты анализа различий с помощью критерия Манна-Уитни (табл. 1) указывают на отсутствие различий в выраженности экстремистских установок и наличие ожидаемых различий по моральному основанию Забота – в большей мере выражено у девушек.

С целью анализа связи моральных оснований с экстремистскими установками был проведен корреляционный анализ между показателями по шкалам соответствующих опросников. По результатам анализа моральные основания Забота и Справедливость иллюстрируют слабые или умеренные обратные связи с двумя из четырех экстремистских установок – национализмом и ксенофобией. Моральные основания Лояльность и Уважение имеют только прямые связи с фанатизмом и авторитаризмом. Со шкалой ксенофобия слабую прямую связь показало лишь моральное основание Уважение. Связь морального основания Чистота со шкалами экстремистских установок оказалась противоречивой: с национализмом обнаружилась слабая обратная корреляция, в то время как с фанатизмом и авторитаризмом – слабые прямые связи (табл. 2).

Корреляции вторичных показателей методики MFQ-Ru с экстремистскими установками показали, что высокая оценка индивидуализирующих моральных оснований сочетается с низким уровнем национализма и ксенофобии, в то время как высокая оценка сплывающих моральных оснований сочетается с фанатическими и авторитарными установками. Наибольшее число связей и их величину продемонстрировал коэффициент прогрессивизма: чем выше его значение, тем менее выражены все четыре типа экстремистских установок. Иными словами, наименее склонны ко всем рассмотренным правэкстремистским установкам те студенты, у которых индивидуализирующие моральные основания доминируют над сплывающими.

Ввиду наличия тесных взаимосвязей между шкалами опросника моральных оснований для выявления индивидуального вклада каждого морального основания в экстремистские установки потребовалось применение многомерных методов анализа. В данном случае для решения этой задачи

Табл. 1. Различия величины экстремистских установок и моральных оснований у юношей и девушек (по критерию Манна-Уитни)

Tab. 1. Extremist attitudes and moral foundations in men vs. women according to Mann-Whitney test

Шкала	Среднее значение		Сумма рангов		U	Z	p
	Ж	М	Ж	М			
Национализм	1,62	1,74	61305,0	13000,0	9945,0	-0,57	незначим
Фанатизм	1,67	1,53	63018,5	11286,5	9141,5	1,59	незначим
Ксенофобия	1,61	1,59	61821,0	12484,0	10339,0	0,08	незначим
Авторитаризм	2,44	2,37	62242,5	12062,5	9917,5	0,59	незначим
Забота	4,50	4,16	64770,5	10695,5	8417,5	2,80	p<0,01
Справедливость	4,52	4,30	63671,0	11795,0	9517,0	1,48	незначим
Лояльность	3,68	3,56	63006,5	12071,5	9860,5	0,89	незначим
Уважение	2,99	2,85	63397,0	11681,0	9470,0	1,36	незначим
Чистота	4,02	3,74	63833,5	11244,5	9033,5	1,89	незначим
Индивидуализирующие МО	4,51	4,23	64345,0	11121,0	8843,0	2,29	p<0,05
Сплывающие МО	3,56	3,39	63725,5	11352,5	9141,5	1,75	незначим
Прогрессивизм	0,95	0,85	63786,5	11291,5	9080,5	1,83	незначим

Прим.: Ж – женщины (n=321); М – мужчины (n=64); МО – моральные основания.

Табл. 2. Корреляции между экстремистскими установками и моральными основаниями

Tab. 2. Correlations between extremist attitudes and moral foundations

МО	Национализм	Фанатизм	Ксенофобия	Авторитаризм
Забота	-0,29**	-0,05	-0,25**	0,04
Справедливость	-0,24**	-0,05	-0,24**	0,02
Лояльность	-0,08	0,17**	-0,01	0,13**
Уважение	0,01	0,31**	0,12*	0,19**
Чистота	-0,10*	0,18**	-0,01	0,12*
Индивидуализирующие МО	-0,28**	-0,05	-0,26**	0,03
Сплачивающие МО	-0,08	0,26**	0,04	0,17**
Прогрессивизм	-0,22**	-0,30**	-0,31**	-0,13**

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; МО – моральные основания.

было проведено линейное структурное моделирование в программе *Mplus 7* с использованием робастного алгоритма *MLR* [28]. Шкалы опросника моральных оснований при конструировании модели рассматривались в качестве гипотетических предикторов, а экстремистские установки – в качестве зависимых переменных. В ходе анализа использовалась поисково-подтверждающая стратегия, когда исходная модель, включающая все шкалы моральных оснований и все путевые коэффициенты, соответствующие приведенным в табл. 2 корреляциям, последовательно уточнялась путем устранения незначимых параметров. В результате этой процедуры три из пяти моральных оснований были исключены из модели потому, что они не показывали статистически значимых связей с экстремистскими установками. Итоговая путевая модель, представленная на рисунке, показала соответствие данным: $\chi^2=1,76$; $df=2$; $p=0,414$; $CFI=1$; $TLI=1$; $RMSEA < 0,001$; 90 %-ный доверительный интервал для $RMSEA$: 0,000–0,096; $PCLOSE=0,690$; $n=397$.

Путевая модель отражает наличие существенных обратных связей морального основания Забота с национализмом,

ксенофобией и фанатизмом. При этом моральное основание Уважение показывает существенную прямую связь с фанатизмом и слабую прямую – с авторитаризмом и ксенофобией.

Заключение

Полученные результаты полностью подтверждают гипотезу о связи моральных оснований с экстремистскими установками. Моральное основание Забота, включающее осуждающие насилие нормы заботы и запрета причинения вреда, противостоит большинству экстремистских установок. Моральное основание Уважение, напротив, по-видимому, поддерживает экстремистские установки, отражающие религиозный фанатизм, ксенофобию и авторитаризм. Роль этого морального основания в оправдании и поддержке правоэкстремистских установок является наибольшей, на что указывают как число выявленных связей, так и их величина. Этот вывод соответствует результатам недавнего исследования проявлений моральных оснований в текстах экстремистской направленности в социальной сети *Twitter* [25].

Связь норм уважения с фанатизмом и авторитаризмом, вероятно, объясняется тем, что обе эти установки основаны на чрезмерном уважении и слепом подчинении авторитету религиозных догм и духовных наставников (религиозный фанатизм) либо сильной светской власти (авторитаризм). Лица с высокой оценкой морального основания Уважение, по всей видимости, склонны не только проявлять большее уважение и подчинение к действующим лидерам и авторитетам, но и поддерживать подчиненную зависимость от лидеров или идейных течений, демонстрирующих качества, ассоциирующиеся с авторитетностью (силу, решительность, святость, связь с традициями). Более того, не исключено, что в силу чрезмерной ориентации на авторитет такие люди могут при некоторых условиях (например, в период переживания личностных кризисов) искать подобные авторитеты, предлагающие простые решения актуальных проблем и обладающие признаками сильной и достойной власти. В то же время нельзя отрицать обратного влияния религиозных и авторитарных убеждений на моральные нормы, поскольку как религиозные,

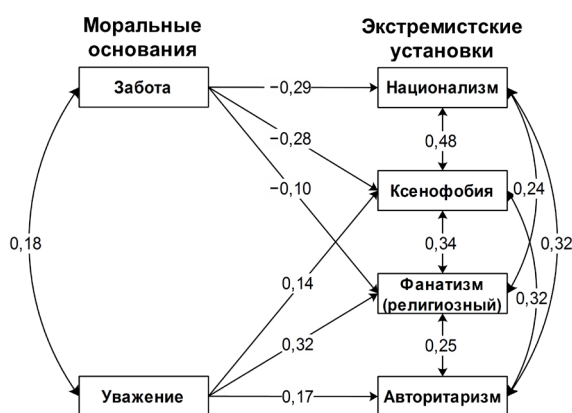

Рис. Структурная модель отношений между шкалами опросника моральных оснований и опросника экстремистских установок ($p < 0,05$)

Fig. Structure model of relations between scales of Moral Foundations Questionnaire and Extremist Attitudes Questionnaire ($p < 0,05$)

так и авторитарные идеологии обычно подчеркивают важность уважения власти и авторитетов.

В целом индивидуализирующие моральные основания противостоят большинству экстремистских установок, т. к. входящие в них нормы заботы, непричинения вреда, равенства и справедливости осуждают связанное с экстремистскими взглядами насилие и неравное, несправедливое отношение к представителям других этнических или религиозных групп. Сплачивающие моральные основания, напротив, поддерживают некоторые экстремистские установки (религиозный фанатизм и авторитаризм), обеспечивая их обоснование моральными нормами и принципами (например, уважением к религиозным догмам или авторитетным политикам, использующим популистские праворадикальные лозунги). Прогрессивизм, показавший связь со всеми экстремистскими установками, вероятно, может рассматриваться в качестве наиболее сильного морального противовеса экстремизму. Обнаруженная обратная связь индивидуализирующих моральных оснований с националистическими и ксенофобскими установками соответствует результатам недавнего исследования, проведенного в Венгрии [24], в котором было установлено, что позитивные намерения (оказание помощи) и негативные побуждения (причинение вреда) по отношению к аутгруппе (мигрантам-мусульманам) предсказуемо коррелируют с индивидуализирующими моральными основаниями.

Выводы о наличии как обратных, так и прямых связей моральных оснований с экстремистскими установками совершенно не согласуются с представлением о полном, тотальном противоречии между экстремизмом и моралью [29]. Возможно, этот тезис является верным в глобальном этическом смысле, но психологическая реальность оказывается сложнее – экстремизм осуждается одними моральными нормами, но может поддерживаться другими моральными нормами при некоторых условиях (например, когда экстремистские убеждения основаны на мнении групповых авторитетов или религиозных догм). Этот факт помогает объяснить живучесть экстремистских установок и даже их популярность в некоторых социальных группах.

Вопреки ожиданиям, половая принадлежность не показала существенной связи с экстремистскими установками. Хотя этот факт не соответствует полученным ранее выводам [7], его можно объяснить дисбалансом нашей выборки со значительным преобладанием девушек и относительно небольшим числом юношей.

Корреляционный дизайн проведенного исследования не позволяет сделать вывод о причинно-следственном характере выявленных связей, поэтому было бы преждевременно говорить, что особенности моральной сферы являются факторами формирования экстремистских установок. Вероятно, в процессе формирования моральных норм и социальных установок связь между ними носит взаимоподдерживающий характер, когда определенные моральные основания поддерживают (или напротив, подрывают) какие-либо установки, а те, в свою

очередь, укрепляют (либо, соответственно, ослабляют) связанные с ними моральные основания. Несмотря на отсутствие убедительных доказательств причинно-следственной связи, представляется, что при решении практических воспитательных задач разумно исходить из предположения, что воспитание моральных принципов, отражающихся в моральном основании Забота (доброты, помощи и заботы о благополучии окружающих людей), может стать одним из «противоядий» по отношению к отравляющему влиянию экстремистских установок. При воспитании норм и ценностей, соответствующих моральному основанию Уважение, необходимо учитывать возможный побочный эффект, выражающийся в большей готовности к усвоению фанатических и авторитарных экстремистских установок, и заниматься профилактикой подобного негативного эффекта.

В исследовании рассматривался узкий спектр наиболее распространенных экстремистских установок, связанных с правоэкстремистскими взглядами. Моральные основы левоэкстремистских установок могут существенно отличаться от выявленных ввиду совершенно иной идеологической основы [30]. Достоверность полученных выводов ограничивается низкой надежностью двух из четырех шкал экстремистских установок (национализма и авторитаризма), в то время как надежность двух других (религиозного фанатизма и ксенофобии) соответствует принятым в психологической диагностике требованиям. Проверка и уточнение данных относительно моральных основ националистических и авторитарных установок с помощью более надежных шкал составляет перспективу данного исследования.

Выводы

Моральные основания находятся в противоречивых отношениях с экстремистскими установками: индивидуализирующие моральные основания противостоят большинству таких установок, в то время как сплачивающие – сочетаются с такими установками как фанатизм и авторитаризм.

Наиболее существенную прямую связь с экстремистскими установками молодежи показывает моральное основание Уважение, отражающее нормы почитания авторитетов, власти и уважения традиций. Это моральное основание сочетается со склонностью к религиозному фанатизму, ксенофобии и авторитаризму. Следовательно, моральные нормы уважения могут иметь не только позитивные, но и негативные проявления, обеспечивая моральное оправдание правоэкстремистских установок.

Обратная связь экстремистских установок с моральным основанием Забота, отражающим нормы заботы об окружающих людях и запрета на причинение физического или эмоционального вреда, указывает на важную роль этих норм в противостоянии экстремистским установкам. Следовательно, моральные нормы заботы и непричинения вреда, осуждающие насилие, имеют существенное значение для противодействия фанатическим, ксенофобским и националистическим установкам.

Литература

1. LaPiere R. T. Attitudes vs. actions // *Social Forces*. 1934. Vol. 13. Iss. 2. P. 230–237. DOI: 10.2307/2570339
2. Wicker A. W. Attitudes versus actions: the relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects // *Journal of Social Issues*. 1969. Vol. 25. Iss. 4. P. 41–78. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1969.tb00619.x
3. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: proviolence, vile world, and divine power // *Psychological assessment*. 2010. Vol. 22. Iss. 1. P. 70–86. DOI: 10.1037/a0016925
4. Давыдов Д. Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма // *Психология и право*. 2017. Т. 7. № 1. С. 106–121. DOI: 10.17759/psylaw.2017070109
5. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // *Психологическая диагностика*. 2017. Т. 14. № 1. С. 78–97.
6. Злоказов К. В. Экстремистские установки в молодежной среде: психологические особенности и метод их исследования. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. 80 с.
7. Яремчук С. В., Ситяева С. М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11. № 58. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2018v11n58/1557-yaremtchuk58.html> (дата обращения: 21.01.2020).
8. Гурина О. Д. Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением // *Психология и право*. 2016. Т. 6. № 1. С. 39–57. DOI: 10.17759/psylaw.2016060105
9. Дворянчиков Н. В., Ениколопов С. Н., Сокольская М. Д., Фурсова И. А. Ценностные ориентации правых экстремистов // *Психологическая наука и образование*. 2010. № 5. С. 92–103.
10. Заикин В. А. Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта // *Национальный психологический журнал*. 2017. № 1. С. 32–38. DOI: 10.11621/npj.2017.0104
11. Козлова М. А., Козлов А. И. Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественно-научный аспекты // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 3. С. 60–70.
12. Сычев О. А., Белоусов К. И., Протасова И. Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 73. С. 60–77. DOI: 10.17223/17267080/73/4
13. Сычев О. А., Беспалов А. М., Прудникова М. М., Власов М. С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // *Культурно-историческая психология*. 2016. Т. 12. № 1. С. 85–96. DOI: 10.17759/chr.2016120109
14. Сычев О. А., Протасова И. Н., Белоусов К. И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
15. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological review*. 2001. Vol. 108. Iss. 4. P. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295X.108.4.814
16. Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. Mapping the moral domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101. Iss. 2. P. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
17. Graham J., Haidt J., Nosek B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. Iss. 5. P. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
18. Van Leeuwen F., Park J. H. Perceptions of social dangers, moral foundations, and political orientation // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47. Iss. 3. P. 169–173. DOI: 10.1016/j.paid.2009.02.017
19. Clark C. B., Swails J. A., Pontinen H. M., Bowerman S. E., Kriz K. A., Hendricks P. S. A behavioral economic assessment of individualizing versus binding moral foundations // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 112. P. 49–54. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.052
20. Kugler M., Jost J. T., Noorbaloochi S. Another look at moral foundations theory: do authoritarianism and social dominance orientation explain liberal-conservative differences in "moral" intuitions? // *Social Justice Research*. 2014. Vol. 27. Iss. 4. P. 413–431. DOI: 10.1007/s11211-014-0223-5
21. Radkiewicz P. Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 99. P. 106–112. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.080
22. Kertzer J. D., Powers K. E., Rathbun B. C., Iyer R. Moral support: how moral values shape foreign policy attitudes // *The Journal of Politics*. 2014. Vol. 76. № 3. P. 825–840. DOI: 10.1017/S0022381614000073
23. Koleva S. P., Graham J., Iyer R., Ditto P. H., Haidt J. Tracing the threads: how five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // *Journal of Research in Personality*. 2012. Vol. 46. Iss. 2. P. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006
24. Hadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: moral exclusion fills the gap // *International Journal of Intercultural Relations*. 2018. Vol. 64. P. 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.03.006

25. Alizadeh M., Weber I., Cioffi-Revilla C., Fortunato S., Macy M. Psychology and morality of political extremists: evidence from *Twitter* language analysis of alt-right and Antifa // *EPJ Data Science*. 2019. Vol. 8. Iss. 17. DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0193-9
26. Антонян Ю. М., Ростокинский А. В., Гишинский Я. И. Экстремизм и его причины. М.: Логос, 2010. 285 с.
27. Злоказов К. В. Метод исследования экстремистско-деструктивных установок личности // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2014. № 1. С. 173–180.
28. Wang J., Wang X. *Structural equation modeling: applications using Mplus*. Chichester: John Wiley & Sons, 2012. 478 p.
29. Гусейнов О. М. Экстремизм и терроризм как антиподы общественной и личной морали // *Исламоведение*. 2015. Т. 6. № 4. С. 36–42.
30. Бочарников И. В. Современный левый экстремизм: реанимация, динамика и направления развития // *Геополитический журнал*. 2017. № 2-3. С. 42–51.

Moral Foundations vs. Extremist Attitudes in University Students

Oleg A. Sychev^{a, @, ID1}; Elena V. Zhikhareva^{a, ID2}

^a Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Russia, Biysk

@ osn1@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-4449-9969>

Received 19.12.2019. Accepted 11.02.2020.

Abstract: The paper features relations between extremist attitudes and moral sphere. The study was based on J. Haidt's Moral Foundations Theory. Most researchers are interested in the problem of right-wing extremist attitudes, e.g. xenophobia, nationalism, religious fanaticism, authoritarianism, etc. However, the existing evidence of the link between such attitudes and some particularities of the moral sphere doesn't take into account modern psychological approaches toward moral. On the basis of moral foundations theory, the authors hypothesized that binding moral foundations may be linked with right-wing extremist attitudes. This hypothesis was tested on 397 university students (women – 83 %). The participants answered the Moral Foundations Questionnaire by J. Graham et al. and Young Men Extremist Attitudes Questionnaire by K. V. Zlokazov. The results of the correlation analysis showed that individualizing moral foundations (Harm and Fairness) were inversely correlated with right-wing extremist attitudes, while binding moral foundations (Loyalty and Authority) showed direct correlation. Such moral foundation as Sanctity showed contradictory correlations with extremist attitudes. Using structure linear modeling the authors demonstrated the significant impact of two moral foundations (Authority and Harm) on extremist attitudes. Authority was associated with a relatively high level of religious fanaticism, xenophobia, and authoritarianism. Care was associated with a low level of fanaticism, xenophobia, and nationalism. The obtained results proved that such violence-condemning values as care and harm avoidance oppose right-wing extremist attitudes. However, such values as respect for authorities and traditions may have potentially negative side effects, e.g. justification and support of right-wing extremist attitudes.

Keywords: moral, moral foundations theory, right-wing extremism, religious fanaticism, xenophobia, nationalism, authoritarianism

For citation: Sychev O. A., Zhikhareva E. V. Moral Foundations vs. Extremist Attitudes in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 185–193. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193>

References

1. LaPiere R. T. Attitudes vs. actions. *Social Forces*, 1934, 13(2): 230–237. DOI: 10.2307/2570339
2. Wicker A. W. Attitudes versus actions: the relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects. *Journal of Social Issues*, 1969, 25(4): 41–78. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1969.tb00619.x
3. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: proviolence, vile world, and divine power. *Psychological assessment*, 2010, 22(1): 70–86. DOI: 10.1037/a0016925
4. Davydov D. G. The personal dispositions of violent extremism. *Psikhologija i pravo*, 2017, 7(1): 106–121. (In Russ.) DOI: 10.17759/psylaw.2017070109
5. Davydov D. G., Khlomov K. D. Diagnostics of dispositions of violent extremism. *Psikhologicheskaia diagnostika*, 2017, 14(1): 78–97. (In Russ.)

6. Zlokazov K. V. *Extremist attitudes among youth: Psychological particularities and method of study*. Ekaterinburg: UrGPU, 2014, 80. (In Russ.)
7. Yaremtchuk S. V., Sityaeva S. M. Age, gender and occupation as predictors of extremist attitudes in early adulthood. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2018, 11(58). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1557-yaremtchuk58.html#e3> (accessed 21.01.2020). (In Russ.)
8. Gurina O. D. Xenophobic attitudes and personal characteristics of adolescents with deviant behaviour. *Psikhologiya i pravo*, 2016, 6(1): 39–57. (In Russ.) DOI: 10.17759/psylaw.2016060105
9. Dvorianchikov N. V., Enikolopov S. N., Sokolskaya M. D., Fursova I. A. Value orientations of the right-wing extremists. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2010, (5): 92–103. (In Russ.)
10. Zaikin V. A. Moral functioning: socio-psychological approach. Social intuitionist theory of John Haidt. *National Psychological Journal*, 2017, (1): 32–38. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2017.0104
11. Kozlova M. A., Kozlov A. I. The origins of individual-oriented and group-oriented morality: social-psychological and scientific aspects. *Psikhologicheskii jurnal*, 2016, 37(3): 60–70. (In Russ.)
12. Sychev O. A., Belousov K. I., Protasova I. N. Values and moral foundations as a basis for the socio-political views of youth. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*, 2019, (73): 60–77. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/73/4
13. Sychev O. A., Bespalov A. M., Prudnikova M. M., Vlasov M. S. Features of moral foundations in Mongol, German and Russian adolescents. *Cultural-Historical Psychology*, 2016, 12(1): 85–96. (In Russ.) DOI: 10.17759/chp.2016120109
14. Sychev O. A., Protasova I. N., Belousov K. I. Diagnosing moral foundations: testing of the Russian version of the Moral Foundations Questionnaire. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 2018, 15(3): 88–115. (In Russ.) DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
15. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological review*, 2001, 108(4): 814–834. DOI: 10.1037/0033-295X.108.4.814
16. Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. Mapping the moral domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, 101(2): 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
17. Graham J., Haidt J., Nosek B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, 96(5): 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
18. Van Leeuwen F., Park J. H. Perceptions of social dangers, moral foundations, and political orientation. *Personality and Individual Differences*, 2009, 47(3): 169–173. DOI: 10.1016/j.paid.2009.02.017
19. Clark C. B., Swails J. A., Pontinen H. M., Bowerman S. E., Kriz K. A., Hendricks P. S. A behavioral economic assessment of individualizing versus binding moral foundations. *Personality and Individual Differences*, 2017, 112: 49–54. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.052
20. Kugler M., Jost J. T., Noorbaloochi S. Another look at moral foundations theory: do authoritarianism and social dominance orientation explain liberal-conservative differences in "moral" intuitions? *Social Justice Research*, 2014, 27(4): 413–431. DOI: 10.1007/s11211-014-0223-5
21. Radkiewicz P. Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation. *Personality and Individual Differences*, 2016, 99: 106–112. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.080
22. Kertzer J. D., Powers K. E., Rathbun B. C., Iyer R. Moral support: how moral values shape foreign policy attitudes. *The Journal of Politics*, 2014, 76(3): 825–840. DOI: 10.1017/S0022381614000073
23. Koleva S. P., Graham J., Iyer R., Ditto P. H., Haidt J. Tracing the threads: how five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 2012, 46(2): 184–194. DOI: 10.1016/j.jrjp.2012.01.006
24. Hadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: moral exclusion fills the gap. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018, 64: 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.03.006
25. Alizadeh M., Weber I., Cioffi-Revilla C., Fortunato S., Macy M. Psychology and morality of political extremists: evidence from Twitter language analysis of alt-right and Antifa. *EPJ Data Science*, 2019, 8(17). DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0193-9
26. Antonian Iu. M., Rostokinskii A. V., Gilinskii Ia. I. *Extremism and its causes*. Moscow: Logos, 2010, 285. (In Russ.)
27. Zlokazov K. V. The method of investigation extremist destructive personality settings. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, (1): 173–180. (In Russ.)
28. Wang J., Wang X. *Structural equation modeling: applications using Mplus*. Chichester: John Wiley & Sons, 2012, 478.
29. Guseynov O. M. Extremism and terrorism as antipodes to social and personal moral. *Islamovedenie*, 2015, 6(4): 36–42. (In Russ.)
30. Bocharnikov I. V. Modern left extremism: reanimation, dynamics and directions of development. *Geopoliticheskii zhurnal*, 2017, (2-3): 42–51. (In Russ.)